

ЯЗЫК ЖЕСТА И МИМИКИ

ИСТОРИЯ этого театра коротка, но интересна. Несколько лет назад из самодеятельных коллективов глухонемых были отобраны наиболее способные люди. Они обучались в течение четырех лет под руководством педагогов-вахтанговцев и образовали впоследствии труппу Московского театра мимики и жеста.

Пока это единственный в мире профессиональный театр глухонемого актера. Но он живет и работает отнюдь не только для глухонемых.

В немом кинематографе искусство жестикуляции, пантомимы стало едва ли не самодеятельным. И хотя Великий Немой уступил звуковому фильму, жест и мимика остались серьезным коммуникатором. Впрочем, и слово звучит в этом театре. Текст пьесы доносит до зрителя специальные актеры-дикторы. Но здесь главное — искусство мимики и жеста.

Эффект превзошел все ожидания! Некоторые спектакли выдержали по двести-триста представлений. Родившись всего восемь лет назад, коллектив создал 25 спектаклей, пользовавшихся громадным успехом и у советского, и у зарубежного зрителя. Репертуар театра разнообразен. Мне удалось посмотреть и романтическую драму Шиллера «Коварство и любовь», и бытовую комедию Замятina «Блоха», и остропублицистический спектакль по пьесе современного польского драма-

турга К. Хониского «Ночная повесть».

Драма «Коварство и любовь», поставленная режиссером В. Знамеровским, — одна из первых работ труппы. Эта пьеса обошла едва ли не все сцены мира. Сильные характеры, глубокие чувства, напряженная интрига и поныне привлекают внимание актеров и режиссеров. Трудно удивить современного зрителя новым прочтением ее. Но в переводе на язык мимики и жеста, на язык пластики получилась новая, зримый спектакль, легкое, непосредственное нахождение пути к нашему восприятию.

Уже на первых изящных жестах открывается характер Луизы (ее играет М. Грехова). Пластичность Фердинанда (артист Ю. Юбинов) находит свое слово. Эмоциональная окраска жеста наглядна и в образах правдента (Н. Устинов) и Вурма (М. Слипченко). В их жестовых диалогах зритель легко воспринимает, как неумолимо плетется липкая паутина коварства, губящая Луизу и Фердинанда. Любовь погибает в этих коварствах, но нравственное превосходство остается за ней.

Спектакль решен не в абстрактно-эстетическом плане. В мечтах Луизы живет то время, когда потускнеют блестящие туалеты и человек будет цениться по своим личным качествам. Многократно усиленным, этот мотив придает спектаклю социальную окраску.

Персонажи Шиллера, при всей их цельности и силе, под-

час односторонни. Но актерам удается избежать схематичности. Они создают живые, полнокровные характеры.

Любовь и страдания героев, живших много лет назад, воспринимаются как сегодняшние, современные — такого глубокого эмоционального воздействия добился театр.

Весело, остроумно поставил режиссер А. Калининский спектакль «Блоха». Созданный в духе вахтанговских традиций, он представляет яркое театральное зрелище. Здесь многое хорошо само по себе: и артисты, и декорации, и краски, и пластика. Играть и танцуют легко, размашисто. Глядя на раскованную пластичность танцев, не подумашь, что актеры не слышат музыки. А между тем это так. И тут проникнешься изумлением перед громадными возможностями театра. Хороши и пантомимы Г. Митрофанов и Н. Худойкин, мастером перевоплощения представляется В. Чебышев. Отлично ведет свою роль В. Бондов. Запоминаются Н. Устинов, В. Ананьев, Н. Крылова и С. Веретуха.

Но самое главное — то, что сложный комплекс музыки, живописи, архитектуры и пластики монолитен. В этом единстве сталь — высокая театральная культура.

Подробного разговора заслуживает спектакль «Ночная повесть» (режиссер В. Знамеровский). Пьеса современного писателя К. Хониского привлекала

театр психологической напряженностью, острой постановкой нравственных вопросов.

Случай сводит на отдаленной туристской базе людей разного возраста, общественного положения, мировоззрения: молодого человека и студентку-инженера по специальности, шофера и фотографа. Нагрянула труппа хулиганствующих парней.

Случайные спутники разобщены, и шайка терроризирует их. В этой острой ситуации раскрываются характеры. Столкновение с бандитами вырастает в идейную схватку. У преступников есть своя «философия». Она не что иное, как культ грубой силы. Главный «философ» Кароль говорит: «Все придумано. Назови хоть одну настоящую вещь. Любовь, дружба, благородство — все мур». Нат, здесь не безобидная «мировая скорбь». Отсюда вытекают неизбежно — «все позволено», а следом и преступная практика. Актер В. Чебышев точно изображает диалектику «души» своего персонажа. Самоуверенный, циничный в начале спектакля, наглый и жестокий в ходе действия, он после поражения трусливо и покорежен.

Движение образа подготовлено. Уже в самом начале действия зритель чувствует нотки неуверенности и беспокойства в поведении Кароля. Словесно угрозы нет-нет да и прорываются трусливое животное начало.

Артист Г. Митрофанов в роли Мареха — одна из бесспор-

ных удач спектакля. Внутреннее развитие характера его героя мотивировано убедительно. Чуткая совесть ведет его от юношеской наивности и сознательной борьбе с хулиганством. В мучительных переживаниях кошмарной ночи идут поиски своего места в борьбе.

Эти поиски — кульминация спектакля, его идейная вершина. Режиссер, выдвигая противников на первый план, чуть не вплотную к зрителю, сосредотачивает тем самым внимание на психологическом поединке. Злоба, грубость жестикуляции Кароля — честность, энергия, уверенная сила в движениях Мареха. Нравственная победа последнего несомненна.

В финальной сцене, когда бандиты трусливо по требованию бывшего узника концлагеря вскидывают руки в фашистском приветствии, ставится последний акцент и выявляется главная мысль спектакля, его пафос. «От хулиганства до фашизма расстояние коротко — расстояние носа» — мысль, в свое время метко выраженная Горьким. Всем своим строем спектакль говорит: «Фашизм живуч, борьба с ним не конечна. И каждый человек должен найти в ней свое место».

У театра мимики и жеста есть свое лицо, которое не спутаешь с другим. И нужно сказать, что родилось оно не только на специфике глухонемого актера. Спору нет, специфика в известной мере диктует направление поиска. Но главный источник все же в другом. Главное, что в театре сложилось, подлинный ансамбль, когда всех связывает общность творческих взглядов, беззаветная любовь к сцене.

Эпизема театра — юноша, поднимающийся по театральным ступеням, освещающий путь огнем своего сердца. Она навевает образом Данко, верно отражает настроения, вступая в коллективы, из которых и рождается вдохновение.

Оно ощущается и в работе актеров-дикторов Н. Власовой и Ю. Михайлова. Благодаря их усидчивому зритель слышит актеры-исполнители. Просто прозвучит реплика синхронно с действием и то требует напряженного внимания. Но их работа неизмеримо сложнее. Найти за каждого голос, интонацию, мелодию речи — для этого нужно колоссальное речевое и интонационное богатство, мастерское владение голосовым аппаратом. Нужна феноменальная память, наконец. И всем этим обладают Ю. Михайлов и Н. Власова.

Большое уважение вызывает работа художника. В театре мимики и жеста его задача особенно сложна.

Главного художника И. Эпова характеризуют живость фантазии, безупречный вкус как в декорациях, так и в костюмах. Стоит вспомнить, как просто, целесообразно, например, организовано сценическое пространство в «Ночной повести», как выразительны, лаконичны и остроумны декорации в «Блохе», чтобы убедиться в этом.

В своей работе театр устремлен к новым высотам. Главный режиссер В. Знамеровский готовит к постановке «Прикованного Прометея». Эсхила и горьковскую «Вассу Мелезнову». Свою главную задачу он видит в создании острых психологических и философских спектаклей, делающих театр тем, чем он и призван быть, — трибуной времени.

Г. ЕРМОЛИНА.

МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ РАБОЧЕ...

22 МАЯ 1970